

Т. К. Примак, К. А. Орлова

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ТРУДНОСТИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КАТЕГОРИИ «ПРАВОВОЙ СТАТУС»

Раскрываются проблемные вопросы использования термина «правовой статус». Обращается внимание на то, что этот термин употребляется в различных словосочетаниях, для обозначения разноплановых правовых явлений, в совокупности с другими юридическими конструкциями, что ведет к несогласованности категориального аппарата. Даются рекомендации по преодолению проблем применения термина «правовой статус» в юридической науке, законодательстве и правоприменительной практике.

This article focuses on the problems of using the term “legal status”. The authors draw attention to the fact that this term is used in different phrases to denote diverse legal phenomena together with other legal structures, which results in the incoherence of the categorical mechanism. The authors suggest solution to the problems of using the term “legal status” in legal science, legislation, and law enforcement practice.

Ключевые слова: правовой статус, правовой режим, правовое положение, юридический статус, социальный и фактический статус.

Key words: legal status, legal regime, legal position, social and actual status.

Вопросы определения правового статуса продолжают оставаться дискуссионными. Прежде всего следует отметить, что этот термин применяется чрезвычайно широко, не имеет однозначного использования, в юридической литературе, законотворческой и правоприменительной практике трактуется по-разному и т.д. Эти и многие другие обстоятельства требуют уточнения применяемой терминологии, при этом возникают проблемы как теоретического, так и практического характера. Остановимся на рассмотрении некоторых из них.

Так, термин «статус» используется в различных словосочетаниях: «юридический статус», «правовой статус», «социальный или фактический статус» [1]. Подчас это вызвано тем, что разрабатываемые понятия, термины, категории базируются на различном понимании права, что стало камнем преткновения известных научных школ: юридического позитивизма, социологической юриспруденции, естественно-правового направления и т.п. Такого рода дискуссии никогда не были оторванными от реальной социальной жизни, так как официально признанная правовая доктрина, основанная на том или ином понятии права, становится тем фундаментом, на котором строится система законодательства и осуществляется правоприменительная практика.

Вместе с тем для Российской Федерации проблема заключается в том, что, с одной стороны, отказ от советского позитивного права, существование дискуссий о концепциях права, наличие правового плюрализма — признак и отражение зрелого правоведения [2], с другой — ни один из формирующихся новых подходов к пониманию права не получил достаточно широкого признания и распространения [3]. Соответственно, процесс общей социологизации, гуманизации юридической науки и практики привел не только к позитивным, но и негативным последствиям — к рассогласованности категориального аппарата, «размытости» правовых конструкций, нестыковке понятий, разрабатываемых на основе формально-логической, сравнительно-правовой, антропологической, синергетической и других методологий. Тем не менее применительно к нашему вопросу необходимо отметить следующие обстоятельства: во-первых, категория «правовой статус» неразрывно связана с естественно-правовой доктриной; во-вторых, постоянно развивающиеся представления мирового сообщества о содержании основных прав и свобод личности¹ позволяют поддерживать высокий уровень их защиты путем разработки гибких механизмов практической адаптации догмы права к естественно-правовой доктрине; в-третьих, права и свободы личности вышли за пределы внутренней компетенции

¹ В статье используется термин «правовой статус личности», так как в юриспруденции о личности говорится в самом широком смысле применительно к каждому, без заимствования психологического и воспитательного содержания, также этот термин является нейтральным по принадлежности человека к отдельному государству и употребляется в Конституции РФ. Иными словами, правовой статус личности — это общее понятие.

государства, стали предметом международной защиты. Поэтому представляется, что правовой статус личности постоянен и неизменен, предоставляя каждому гарантированные международным сообществом возможности реализации своих способностей и интересов, юридический статус, напротив, исходит от государства, может приобретаться или меняться в связи с изменением характера политико-правовой связи (гражданин, иностранец, лицо без гражданства), социальных преобразований (тоталитарное или демократическое государство).

В принципе термин «правовой статус» включает в себя как юридический (позитивистский и естественно-правовой), так и фактический (социальный) аспекты, но все зависит от способности национального государства принять и реализовать на своей территории международные стандарты в области прав и свобод личности. В Российской Федерации конституционно признанные, закрепленные, прирожденные и неотчуждаемые права и свободы личности, общепризнанные принципы и нормы международного права, по существу, остаются вне надлежащего практического применения из-за отсутствия или недостаточного использования реальных инструментов по их реализации. Вероятно поэтому термины «юридический статус», «правовой статус» используются как идентичные с опорой на позитивизм (законодательство), без учета социального и естественно-правового контекста [4].

С учетом изложенного и принимая во внимание современные тенденции развития права, целесообразно использовать термин «правовой статус», а не «юридический статус» или «социальный, фактический статус», что обусловлено рядом обстоятельств:

– после принятия Конституции РФ, вступления России в Совет Европы, ее вхождения в сферу юрисдикции Европейского суда по правам человека² все большее влияние на российскую правовую систему оказывает европейская правовая доктрина, основанная на естественно-правовом типе правопонимания, что приводит к определению статуса личности как правового;

² В Конституции РФ универсализация правового статуса личности находит соответствующее мировым, европейским стандартам выражение в виде признания возможности международно-правовой защиты прав и свобод: «Каждый вправе в соответствии с международными договорами Российской Федерации обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты» (ч. 3 ст. 46). Эта норма является аналогом нормы ст. 34 Европейской конвенции «Индивидуальные жалобы». Согласно ст. 46 Европейской конвенции Россия, подписав и ратифицировав этот документ, признала юрисдикцию Европейского суда по правам человека (ЕСПЧ) и обязательный характер исполнения его решений. Так, в случае признания нарушения того или иного права заявителя, предусмотренного Конвенцией, Российская Федерация как государство-ответчик обязана принять меры как индивидуального (например, компенсацию материального и морального ущерба, если последствия нарушения являются полностью или частично неисправимыми), так и общего характера (например, пересмотреть отдельные положения внутреннего законодательства, принять специальные регламентирующие акты).

— в нормативных актах³, теоретической и отраслевой литературе [5–11], юридических словарях [12] широкое распространение и признание получил термин «правовой статус», что соответствует общим требованиям, устанавливаемым правилами юридической техники (термины должны быть общепризнанными, обладать устойчивым характером, иметь широкое распространение).

Кроме того, первоначально термин «правовой статус» разрабатывался теоретиками права применительно к вопросу о правах и свободах личности, затем он стал использоваться в отношении юридических лиц, публично-правовых образований, включая государство, других отраслях [11–16]. Однако сегодня в некоторых случаях он употребляется для характеристики имущества [17–20] или нормативных актов [20–22], используется в совокупности или отождествляется с другими правовыми категориями (правовым режимом, правовым положением, правовым модусом) [23; 24], в связи с чем возникает ряд проблемных вопросов, на освящении которых мы остановимся более подробно.

Анализ нормативных актов, юридической литературы и других источников позволяет говорить о том, что термины «правовой статус» и «правовое положение» в основном применяются для юридической характеристики субъектов⁴, «правовой режим» — для объектов, иногда субъектов права в связи с тем, что правовые режимы имеют цель специфическим образом регламентировать конкретные области общественных отношений, выделяя во временных и пространственных границах те или иные субъекты и объекты права⁵ [14]. Для характеристики нормативных актов теория права выработала такую категорию, как источники

³ Термин «статус» используется в более чем 200 федеральных законах, в том числе кодифицированных (например, ст. 125 ГК РФ, ст. 45 НК РФ). Он употребляется в основном в словосочетаниях «правовой статус», «правовое положение». Например, глава 3 федерального закона от 27.07.2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» называется «Правовое положение (статус) государственного служащего» и в качестве его составляющих содержит совокупность прав, гарантированных государством, обязанностей и ответственности, ограничений, обязательств и правил служебного поведения.

⁴ В Большом юридическом словаре существует следующее определение: «Правовой статус — это юридически закрепленное положение субъекта в обществе, которое выражается в определенном комплексе его прав и обязанностей. Он отражает юридически оформленные взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, отдельного индивида с окружающими. В нем выражаются легальные пределы свободы личности, объем ее прав, обязанностей, других правовых возможностей и ответственности» [25].

⁵ В Большом юридическом словаре правовой режим определяется как особый порядок правового регулирования, выражающийся в определенном сочетании юридических средств и создающий желаемое социальное состояние и конкретную степень благоприятности либо неблагоприятности для удовлетворения интересов субъектов права. В зависимости от субъектов, в отношении которых он устанавливается, выделяются режим беженцев, вынужденных переселенцев, лиц без гражданства, граждан и т. д. [25].

права, а их место в системе законодательства, область и сроки применения определяются путем использования таких категорий, как юридическая сила, действие во времени, в пространстве и по кругу лиц⁶.

Соответственно, возникает вполне закономерный вопрос — почему, вопреки теоретическим установкам (а по общему признанию фундаментальные понятия и категории разрабатывает теория государства и права) термин «правовой статус» применяется к объектам права и к нормативным актам. Представляется, что здесь можно выделить как объективные, так и субъективные причины. К первым относится то, что в результате процессов глобализации правовое пространство Российской Федерации вольно или невольно находится под влиянием норм международного права, других национальных правовых систем, в которых используется различная терминология, порой не совпадающая с российской, да и чистоте теоретических понятий придается не столь существенное значение, что при наличии реальных механизмов реализации норм, высоком уровне правовой культуры и правосознания вполне допустимо. В частности, достаточно часто в международном праве употребляется словосочетание «статус конвенций и законов» [26–28].

Во втором случае речь идет о том, что в некоторых отраслевых науках, прежде всего в цивилистике, распространено пренебрежительное отношение к понятиям и категориям, разработанным в теории права на основе юридического позитивизма⁷. Отсюда попытки обосновать собственные определения [30, с. 8], которые не имеют ни теоретической, ни практической ценности, не могут в концентрированной форме отражать правовую реальность, не способны выступать своеобразным, научно обоснованным ориентиром.

Понятно, что в условиях признанного правового плюрализма юридические термины имеют многозначный характер, как и споры об их содержании, месте и роли являются неизменным атрибутом развития юридической науки, правовой системы в целом. Так, в отношении категории «правовой статус» продолжаются дискуссии по объему содержания, широкой и узкой трактовке, видах и основаниях классификации и т.д. [31, с. 70–71; 32; 33; 34, с. 242]. В частности, некоторые исследователи связывают содержание правового статуса личности с правами, свободами и обязанностями, другие авторы называют иные составляющие (законные интересы, гарантии и гражданство, правосубъектность и юридическую ответственность, правовые нормы и принципы, правоотношения статусного типа и др.).

⁶ Именно об этом идет речь в законе Калининградской области от 18.01.1996 г. № 30 «О вступлении в действие Устава (Основного закона) Калининградской области» в главе 1 «Правовой статус Устава (Основного закона) Калининградской области».

⁷ Как выразился Б.И. Пугинский — позитивизм оказывает мертвящее влияние [29, с. 164].

Нет единого мнения о соотношении таких понятий, как «правовой статус» и «правовое положение». Например, О.Е. Кутафин и Е.И. Козлова отмечают, что развитие юридической науки показало, что при рассмотрении вопросов о месте субъекта правового общения в обществе и государстве недостаточно ограничиться лишь анализом прав, свобод и обязанностей, т.е. правовым статусом этого субъекта. В этот анализ необходимо вовлечь и другие институты: гражданство, правосубъектность, гарантии, ответственность. Совокупность всех этих институтов, по их мнению, и образует комплексную правовую категорию — правовое положение субъекта [34, с. 94]. В то же время такие ученые, как С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, Л.Д. Воеводин, не проводят каких-либо различий между понятиями «правовой статус» и «правовое положение», рассматривая их как синонимы. Эту же точку зрения отстаивает в своей фундаментальной работе «Правовая система и личность» Н.И. Матузов [35, с. 52].

Постоянно поднимается вопрос о введении новых терминов, уточняющих или дополняющих категорию «правовой статус», что порождает противоречивые оценки и их разное использование. Так, Р.П. Мананкова представила правовой статус в качестве динамичного явления, состоящего из трех уровней: общего правового, специального правового (модуса), индивидуального правового статуса. В понятие «правовой модус» она включила специальную правоспособность и специфические субъективные права и обязанности в их органическом единстве [36, с. 63—68]. С.А. Зинченко поддерживает вышеизложенную позицию и признает конструкцию правового модуса плодотворной [37]. А.Ю. Якимов воспринимает это новшество отрицательно и отмечает, что термин «правовой модус» нельзя признать удачным, поскольку он не раскрывает сути обозначаемой правовой категории [38, с. 8]. Н.В. Витрук использует понятия «правовой статус», «правовое положение», «правовой модус» как идентичные [39, с. 111].

Безусловно, эти и многие другие вопросы требуют более тщательного изучения, что в рамках данной статьи не представляется возможным. Однако важно отметить, что наука начинается там, где появляются обобщения, присутствует должный уровень абстрактного мышления, сопоставляются и изучаются теоретические и отраслевые понятия, учитывается правоприменительная и социальная практика и т.д. При этом для юридической науки важен плюрализм мнений, для законодателей — унификация юридической терминологии.

Исходя из изложенного, отметим:

— необходимость существования позитивизма и разработанных на его основе определений не может быть поставлена под сомнение, так как в противном случае мы получаем рассогласованность правовой системы в целом;

— международное право, споры о терминах, их содержании развивают юридическую науку и законодательную практику, но в национальных нормативных актах должно отражаться основное правило

юридической техники: один термин — одна дефиниция — одно понятие, поскольку нестабильность терминологии создает прямую угрозу эффективности правотворческого и правоприменительного процессов.

В заключение отметим, что законодатель, каким бы опытом и знаниями он не обладал, всегда опирается на существующие теоретические конструкции. Он может в лучшем случае их правильно понять, усвоить и грамотно выразить в создаваемых нормативных актах, а соответственно, представители юридической науки должны уметь договариваться об использовании терминов в том или ином контексте в качестве универсальных. Понятно, что порой эта задача бывает трудновыполнимой, но урон от неоднозначности и противоречивости используемой терминологии в нормативных актах и в правоприменительной практике намного выше.

Список литературы

1. *Стремоухов А. А.* Юридический статус специального субъекта права (теоретико-правовой аспект) : дис. ... канд. юр. наук. СПб., 2002.
2. *Лейст О. Э.* Сущность права. Проблемы теории и философии права / под ред. В. А. Томсинова. М., 2008 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
3. *Варламова Н. В.* Российская теория права в поисках парадигмы // Журнал российского права. 2009. №12. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
4. *Об отказе* в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности положений статьи 23.1 федерального закона «О ветеранах», пункта 19 статьи 44 и пункта 5 статьи 154 федерального закона «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов «О внесении изменений и дополнений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : определение Конституционного суда РФ от 13.10.2009 г. №1125-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
5. *Агапов А. Б.* Административное право : учебник. М., 2004.
6. *Алексий П. В.* Правовой статус субъектов предпринимательской деятельности : дис. ... канд. юр. наук. М., 1996.
7. *Архипов С. И.* Субъект права: теоретическое исследование. СПб., 2004.
8. *Власенко Н. А.* Теория государства и права : учеб. пособие. М., 2011.
9. *Воеводин Л. Д.* Юридический статус личности в России : учеб. пособие. М., 1997.
10. *Грешников И. П.* Субъекты гражданского права: юридическое лицо в праве и законодательстве. СПб., 2002.
11. *Григоренко С. М.* Гражданско-правовой статус гражданина, осуществляющего предпринимательскую деятельность без образования юридического лица : дис. ... канд. юр. наук. М., 2001.
12. *Большой юридический словарь.* М., 2009.
13. *Зинченко С. А., Шапсугов Д. Ю., Корх С. Э.* Предпринимательство и статус его субъектов в современном российском праве. Ростов н/Д, 1999.
14. *Нефедов Д. В.* Правовой статус коммерческого банка : дис. ... канд. юр. наук. СПб., 1994.

15. Селифонов А.А. Правовой статус объединений предприятий в промышленности Российской Федерации : дис. ... канд. юр. наук. М., 2002.
16. Якимов А.Ю. Статус субъекта административной юрисдикции и проблемы его реализации. М., 1999.
17. Ахметьянова З.А. Правовой статус имущества юридических лиц : учеб. пособие. Казань, 1996.
18. Корпоративное право : учеб. курс / отв. ред. И.С. Шиткина. М., 2011.
19. Латынова Е.В. Практика применения Жилищного кодекса Российской Федерации. Судебные споры о правах собственности на недвижимое имущество. М., 2011.
20. Харитонова Ю.В. Правовой статус нежилых помещений по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.
21. О вступлении в действие Устава (Основного закона) Калининградской области (с изменениями и дополнениями). Раздел I. Общие положения. Глава 1. Правовой статус Устава (Основного закона) Калининградской области [Электронный ресурс] : закон Калининградской области от 18.01.1996 г. №30. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
22. Зрелов А.П. Особенности правового статуса нормативных актов органов исполнительной власти в налоговых правоотношениях // Право и экономика. 2004. №4. С. 49 – 53.
23. Остапенко Е.И. Правовой статус и режим проливов, используемых для международного судоходства : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2012.
24. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации. Статья 2. Правовое положение (статус) сотрудника дипломатической службы. [Электронный ресурс] : федер. закон от 27.07.2010 г. № 205-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
25. Большой юридический словарь / под ред. А.В. Малько. М., 2009.
26. Статус конвенций и типовых законов от 19 мая 1999 г. № А/CN.9/462 / Комиссия ООН по праву международной торговли, тридцать вторая сессия. Вена, 17 мая – 4 июня 1999 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
27. Статус Конвенции, предусматривающей единообразный закон о форме международного завещания. Вашингтон, 26 октября 1973 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
28. Статус Европейской конвенции о введении единообразного закона об арбитраже. Страсбург, 20 января 1966 г. [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».
29. Пугинский Б.И. Частный договор в научной картине права. // Ученые-юристы МГУ о современном праве / под ред. М.К. Треушникова. М., 2005.
30. Харитонова Ю.В. Правовой статус нежилых помещений по российскому законодательству : автореф. дис. ... канд. юр. наук. М., 2006.
31. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М., 1999.
32. Коларов С.А., Ростовщиков И.В. Личность. Права и свободы. Политическая система. СПб., 2002.
33. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.
34. Кутафин О.Е., Козлова Е.И. Конституционное право Российской Федерации. М., 1995.
35. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987.
36. Мананкова Р.П. О правовом статусе гражданина СССР // Вопросы совершенствования гражданско-правового регулирования. Томск, 1983.

37. Зинченко С.А. Юридические факты в механизме правового регулирования. М., 2007 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

38. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право, №4, 2003. С. 5–10.

39. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М., 2008.

Об авторах

Татьяна Клавдиевна Примак — д-р юр. наук, проф., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: primaktk@mail.ru

Ксения Александровна Орлова — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Калининград.

E-mail: activia2007@mail.ru

27

About authors

Prof. Tatyana Primak, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: primaktk@mail.ru

Kseniya Orlova, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University, Kaliningrad.

E-mail: activia2007@mail.ru